

Глава 1 У КАЖДОГО МГНОВЕНЬЯ СВОЙ РЕЗОН...

Чу! Росшие у болотины заросли бредины шевельнулись, словно бы там крался кто-то... Человек или зверь?

Высокий, едущий впереди небольшого обоза мужчина, придерживая коня, пристально всмотрелся в кусты, поправляя висевшую на боку саблю в потертых, выдавших виды ножнах. Широкое, в общем-то, добродушное, лицо всадника, обрамленное густой черной бородой с серебрившейся сединою, ныне искажало предчувствие какой-то опасности, еще неведомой и, быть может, существовавшей пока лишь в мыслях.

— Соболь! — не выдержав, выкрикнул сидевший на первом возу парень в нахлобученной по самые брови шапки, отороченной белчиным мехом. — Семен Игнатич! Глянь-ко! И впрямь — соболек! Может, стрелой его достанем?

Он выхватил уже лежавший рядом, на возу, лук, да чернобородый Семен Игнатиевич, поправив синий, доброго фряжского сукна кафтан, под которым угадывалась кольчуга, обернулся с усмешкою:

— Ну, чё выдумал, Афанасий! Откель здесь, под Юрьевом, соболь-то? Поди, чудь местная да орденские немцы давно всех соболей повыбили. Куница то, не соболь!

— Да как же куница, Семен Игнатич! — упрямо набычился Афанасий. — Что я, соболя от куницы не отличу?

Сказав так, парень, пряча обиду, отвернулся, посмотрел на прочих обозников — все мужиков опытных, справных... впрочем, были и молодые ребята, человек пять.

— Эй, вы-то что скажете, отроцы? Соболь?

— Да и не заметили как-то, — подъехав, ухмыльнулся в седле юноша в коротком татарском яземе до колен. — Но соболь тут давненько не водится — Семен Игнатиевич прав. Иначе что бы мы немчуре продавали? Смекай, Афанасий!

Молодой человек постучал себя пальцем по виску и засмеялся. Смех его поддержали в обозе все, даже те, что у самых дальних телег ошивались — эти-то, спрашивается, что и видели?

— Вот ржут, лошади! — обиженно сплюнув, Афанасий нахохлился, словно воробей у весенней лужи.

И в самом деле, сей обидчивый молодой человек сильно походил на воробышка — худой, сутулый, с вечно растрепанной копной густо-соломенных волос и порывистыми движениями подростка, Афанасий был нынче в обозе самым юным — парню не исполнилось еще и семнадцати.

А уже не кто-нибудь — а младший приказчик! Ну, то, конечно, дядюшки двоюродного заслуга — славного новгородского купца, «заморского гостя» Семена Игнатьевича Игнатова: пригрел сироту, не обидел — все же родная кровинушка.

— Ладно, ладно, — посмеялся в усы купец. — Едем. Инда некоторым тут все еще соболя чудятся. Эй, Кольша, — чего застыл?

Кольша — тот самый насмешливый парень в вязе — дернул поводья коня, догнал переднюю телегу:

— Ай, Афанасий, и где же тут твой соболь?

— Да там он, там — вона, в кусточках таится, ждет, когда проедем... видать, нора у него там где-то поблизости.

— Нора, — презрительно скривился Кольша. — Вечно тебе, паря, все чудится — то соболь, то людишки лихие.

— Да не чудится! — взорвавшись, Афанасий соскочил с телеги и, догнав куша, швырнул шапку оземь. — Семен Игнатьич! Дозволь быстренько глянуть! Ну, соболь то был... И вчера кто-то за нами шел, таилса — я же чувствую, я же охотник. Да у нас, в Обонежье...

— У них в Обонежье и соболей-то никто не видал, охотнички те еще! И-и-и, Афоня!

Позади снова грянул хохот — понятно, поддерживали все насмешника Кольшу, а тот и рад — сам-то коренной, новгородский, семейка его всю жизнь на Плотницком конце проживала, и все остальные обозники: кто с Плотницкого, а кто со Славны — Торговая сторона, друга за дружку горой, вечно с софийскими ребятами по праздникам на мостах дрались. А Афанасий им кто? Да никто. И что с того, что Семену Игнатьевичу двоюродный племяш? С Обонежья Нагорного до Новгорода-то — у-у-у... Неделю на лодке плыть, да на коне скакать... инда еще и не во всякую пору проедешь с погоста-то Пашозерского. Чужак, чужак Афанасий — деревенщина, что с таким и говорить-то? Одеться как следует и то не умеет, все в онучах ходил, в лапотках да в кожаных плетеных поршнях, это сейчас малость пообтесался, сапоги себе справил, да в Юрьеве-Дерпте сторговал за полста кельнских грошей кафтан. С чужого плеча — сразу видно, что и говорить — деревня! Привык там у себя, в Обонежье, с весьянами якшаться, а весяне те, многие говорят — язычники!

— У них там, в лесах, пнищам трухлявым молятся, да знать ничего не знают. Какой там соболь? Белка — и та за счастье! Ох-хотник, ха!

— Дядюшка, Семен Игнатьевич! — от обиды Афоня чуть на колени не пал — хотел ведь, да постеснялся: засмеют, скажут опять — деревенщина неотесанная!

А он, Афоня-то, между прочим, и немецкий уже почти выучил, и латынь немного, и даже свейский... так, чуть-чуть, так ведь тот же Кольша и немецкую-то речь — через пень-колоду, а уж о свейской — и знать не знал. А туда же — насмехается!

— Дозволь, дядюшка, соболя поискать, запромыслить, все равно же — сам сказал — сейчас на привал.

И столько молббы было в светлых глазах нескладного и угловатого паренька, столько незаслуженной обиды, что...

А позади-то — снова хохот:

— Афонька-то там сейчас расплачется, ровно дите малое. А говорит — шестнадцать уже!

— Да врет он все! Кольша, слышь, у них, в Обонежье, и годов-то считать не умеют... а токмо соболей!

— В Обонежье-то — и крашенная собака — соболь!

— А рукавицы они, знаете как, называют? Дянки!

— А когда хорошо, говорят — дивья!

— От деревенщины лыковые!

Тут и гость торговый не выдержал, обернулся, брови сурово сдвинув, погрозил кулаком:

— А ну, цыть! Ишь, рассупонились. Место лучше для дневки приглядывайте.

Оно, конечно, неплохо, когда есть в обозе такой человек, как Афоня, парень незлобивый, скромный, над которым и посмеяться можно без всяких обид, пошутить шуточки... как вон вчера, привязали сонного за ногу к старому пню. Забавно вышло. Оно, когда с шуткой все — и славно. И путь быстрее проходит, и об опасностях народ меньше думает, и по дому меньше скучает. Главное только, следить, чтоб до слез не доводили парня.

— Ужо, сходи, Афанасий, сбегай — может, и впрямь соболь? А не соболь, так какую иную дичь добудь — как раз нам на обед.

— Ой, благодарствую, дядюшка! Век за ты буду...

— Да беги уже! А вы что выпялились? А ну-тко — живо у меня по дрова! Во-он на этой полянке и встанем.

Схватив саадак с луком и стрелами, Афанасий бросился с дороги в лес — в густые заросли орешника, рябины и липы. Уж если куда соболь и побежал — так только туда, уж не в болото же — а тут, почитай, по обеим сторонам дороги — трясины да топи. Самому бы не пропасть — да уж Афоня человек опытный. Охотник, зря те смеются... лошади. Бывало, с батюшкой-то покойным и на медведя хаживали — сам-два — и на волка, на рысь... Ну, рысь Афанасий и сам бить наловчился. Как белку — в глаз.

Быстро прошерстив весь орешник, юноша поглядел под липами и — обнаружив лишь отпечатки оленьих копыт — остановившись, перевел взгляд на темнеющий невдалеке ельник. А не туда ль соболек и подался? Конечно туда.

Обнаружив рядом с ельником ручеек, Афоня никуда дальше и не пошел, схоронился в кустах можжевельника, держа лук со стрелой под рукою. Солнышко-то нынче разжарило — хоть и начало мая, а здесь, в ливонских землях, тепло, жарковато даже. Вот и зверь — рано или поздно, а к водопою придет, терпение только нужно. И — не спугнуть бы, не спугнуть.

Отрок улыбнулся и чуть прищурил глаза от яркого солнца. Уж тут-то он не прогадает — умеет и ждать, и таиться — охотник, что бы там ни говорил этот краснощекий черт Кольша! Ишь, смеются... поглядим еще, поглядим!

Соболь это был, соболь — что ж, Афоня не отличил бы его от лисы или куницы?

Что-то промелькнуло совсем рядом — чья-то стремительная серая тень! Юноша вскинул лук и, углядев за кустом зайца, разочарованно свистнул — а ну-ка, беги отсюда, серый! Заяц в эту пору — никакая не дичь. Его по зиме хорошо кушать, нынче же зайца клещ сосет, болезни разные через слюну свою поганую выпускает. Болезни те к косому не пристают, а вот человек от них и помереть может. Так что, скачи себе, зайчик, дальше — липу, вон, погрызи.

И вновь принялся ждать Афанасий, забыл уже и про обоз, и про то, что дневка — не вечная. Совсем забыл — охотничий азарт ухватил парня со всей своей властной силою, так, что и не упомнишь ничего, кроме охоты, и не уйдешь. Ох, напрасно отпустил парня дядюшка Семен Игнатьевич!

Таился Афоня в можжевельнике, соболя с терпеливостью поджидал, да о своем думал. О том, что вчера шли за обозом какие-то люди — то и доложено было дядюшке, да тот лишь махнул рукой — мало ли кто нынче по дорогам ездит да ходит? Ливонские земли, это тебе не Пашозерский погост — народу-то куда как побольше. Вот и ездят. Кто в Дерпт-Юрьев на ярмарку, кто обратно, кто на поля — сев! — а кто и к озеру Чудскому, за сладкой рыбкою. Отрок и спорить не стал — гостю заморскому лучше знать. Однако для себя все запомнил — и сегодня, к ночи ближе, ладил посмотреть: кто же там все-таки бродит? Все же казалось парню — вроде как таясь шли. Не нагоняли, но близехонько — то всегда по птицам орущим видно. Они — птицы-то — и сейчас орут, кружат. Но то ясно, почему — обозники на привал становятся, дровишки для костра рубят. Вот что-то звякнуло, а вот заржала лошадь — нехорошо так, тревожно, видать, увидала змею или почуяла волка.

Оп! Налетевший вдруг ветерок, легкий и по-весеннему теплый, принес явственный запах зверя — еле различимый, но Афанасий сразу почуял, вскинул лук, затаил дыхание...

Ну, вот он — соболь! Небольшой такой зверек, мохнатый, с круглой головой и чуть вытянутой мордочкой. А мех... Пей, пей, соболек! Теперь уж ужю... А меха-то и нет! Плохой мех-то — весна. Превжний-то мех, пушистый, зимний — когда соболя только и бить! — сошел, а новый, летний... не мех, а смех!

И чего ради приложить стрелой зверя? Гордость свою потешить, чтобы знали все, кто такой Афанасий, сын Трегуба Иванкова? Не-ет, настоящие охотники так никогда не поступают — не дело то! Зверя, если не нужен, не стоит бить... Смеяться, правда, будут... Да пусть себе смеются-то! Брань — и та на вору не виснет, а уж смех — и подавно.

Усмехнувшись, отрок поднялся на ноги и вышел из-за кустов — только соболька и видали! Ускользнул в ельник вмиг, лишь хостом махнул напоследок. Да и ладно! Куда лучше сейчас какую-нибудь дичь запрямыслить — перепелку, тетерку, рябчика. Чуть подальше — во-он там, в борке наверняка есть кто-то. Наверняка! Правда — крюк, ну да ладно — ноги крепкие.

Опытный, несмотря на юность, охотник Афоня подстрелил двух тетерок довольно быстро — можно сказать, дичь сама в руки далась — и, кинув птиц в котомку, быстро зашагал к дороге.

Места кругом тянулись незнакомые, и юноша, в поисках соболя и дичи, зашел довольно-таки далеко — и теперь нужно было как можно скорей возвращаться или уж в крайнем случае перехватить обоз по дороге, стерпев все последующие насмешки. А дичь — она и на ужин годится, хоть в лесу ночевать, хоть на постоялом дворе — тогда уж там хозяйка пусть тетерок запечет или сварит.

Углядев за черноталом дорогу, отрок прибавил шагу и уже почти бежал, перепрыгивая с кочки на кочку, когда вдруг услышал впереди лошадиное ржание. Обоз!

Афоня хотел уж было покричать, помахать своим — те вот-вот должны были показаться из ельника... и показались...

Какие-то мрачного вида люди, всадники в темных плащах, судя по одежде — немцы! Живо схоронившись за куст — а пуцай, от греха, проедут, — юноша всмотрелся внимательнее, заметив, что никакие это не торговцы, а люди воинские, может быть даже — рыцари или сержанты, кнехты. На ком-то поблескивали кольчуги, на ком-то — кирасы латные, а у кого-то смешно топорщились бархатные, с гвоздочками, курточки — то не курточка, а боевой доспех из обшитых тканью пластин, называется — бригантина, и стоит — Афанасий сам видал в Дерпте на рынке — двадцать пять золотых монет — гульденов или флоринов или венецианских дукатов! А двадцать пять флоринов — это... это... это... ммм... это почти две тысячи серебряных грошей — жалованье младшего приказчика за целый год беспорочной службы! Даже на один грош и то много чего купить можно — скажем, кельнский фунт мяса, или дюжину яиц, или пирогов, или... да на целый день хватит, а ежели скромненько — так и на два!

— Раз, два, три... — на всякий случай отрок шепотом считал немцев, знал — купец о них обязательно спросит, а сведения должны быть точными. — Дюжина и два... дюжина и три...

У всех всадников покачивались подвешенные к седлам шлемы — обычные, без всяких выкрутасов, каски, которые с удовольствием надевали в битву и рыцари — меч с таких касок соскальзывал. Кроме касок с латами, имелись, конечно же, и длинные рыцарские мечи, и палаши, и боевые топоры — алебарды, а также еще кистени, шестоперы, палицы... ого! Еще и арбалеты — не со стременем и рычагом «козья нога», а с зубчиками — кремальерой, — удобней в лесу для зарядки, можно с лошади не слезать. Однако куда же они такие оружные направились-то? К Чудскому озеру, в псковские земли, кои ныне Господину Великому Новгороду подчиняются, или Новой Руси, как еще прозывали. Так вроде Новгород с орденскими немцами не воюет. Ни с недавно разгромленными тевтонцами, ни с ливонцами... Зачем тогда столько оружия с собою возить? Больших разбойничьих ватаг — про то дядюшка Семен Игнатьич говаривал — в здешних лесах нет, а малые...

— ...три дюжины и один, три дюжины и три... сорок!

...а малые на сорок человек не сунутся! Тем более те без товаров едут, без телег... А! Вот и гербы!

Афоня наконец-то разглядел на плащах всадников золотые с черным кресты да черного же одноглавого орла на золотом поле. Теперь все ясно — тевтонцы. Новгороду — Новой Руси — они теперь не враги, мира, торговлишки выгодной ищут. У тевтонских немцев, дядюшка рассказывал, самые лучшие корабли — не у всякого ганзейского города таковые сыщутся. С такими-то кораблями — чего бы не торговать-то? Вот и посуху, бывает, торгуют... хотя эти-то вовсе на купцов не похожи... Ха! Ну, конечно ж! Ясно, куда эти тевтонцы едут, тут и думать нечего — в Псков, на службу воинскую наниматься, рубежи литовские охранять... бывшие литовские, а ныне — Новой Руси! Витовта с Ягайлой нет ныне — убиты иль бегают где — бог весть! Великий князь Егор-Георгий Заозерский всех прогнал, а еще ранее — с Ордой замирился, царицу на престол посадив. Теперь та царица князю Егору обязана, вот и мир — никто с набегами на землю русскую не приходит. Правда, у самих замятни хватает — то там, то сям мятеж — все обиженные правды ищут: то бывший московский властелин Василий, то тот же Витовт, а то и кто из татарских царевичей, бабу на ордынском троне терпеть не желающих.

Да! Эти — на службу едут, денегат подзаработать — дело верное, платят русичи нынче щедро! А говорят промеж собою чудно. Афоня прислушался, приложил руку к уху: вроде и немецкая речь... но не такая, как у орденских или, к примеру, ревельских да дерптских немцев — другая совсем, мало что и понятно.

Да и черт с ними со всеми — пусть себе едут. А показывать себя нечего — вдруг что задумают? Одинокого-то путника пограбить — милое

дело, пускай и нечего, честно сказать, с Афанасия взять. Хотя... как же нечего-то? А тетерки?

Пропустив непонятных немцев, подросток еще некоторое время выждал — вдруг да вернутся за чем-нибудь? — и, выбравшись на дорогу, побежал к обозу.

Между прочим, далеконок пришлось бежать-то! Взобрался на небольшую горюшку, с нее — вниз, да вброд через неширокий ручей, потом опять на пригорок, и снова — вброд, потом — ольшаником, ельником — а уж опосля... опосля и полянка знакомая показалась.

Никуда еще не делись обозные, даже волов да лошадок, пастись пущенных, в возы не впрягли. Посреди полянки догорал костер, а вокруг... Выбежав из-за елочной молодежи, отрок так и застыл в изумлении, отчаянии и горе!

Все обозные — все, кого он знал, включая самого купца, Семена Игнатьевича — валялись на свежей травке в самых различных позах. Мертвые! Точнее сказать — убитые. Кто с проломленной головой, кто с разрубленной шеей, а кто и со стрелой в сердце... И все — добыты, ни одного раненого...

— Господи-и-и-и!

Оббежав всех и не отыскав ни одного живого, Афанасий грохнулся на колени в траву и принялся истово и громко молиться:

— Господи... да что же это такое? Да за что, Господи?

— Умм! — кто-то вдруг застонал, совсем рядом.

Афоня резко вскочил с колен, бросился к ракитнику — оттуда и слышался стон.

— Господи... Кольша! Живой!

— Живой, — красивое лицо юноши скривилось. — Только ранен малость — вон, в руку. Вовремя ты явился, Афонька... А ну-тко... помоги-ко...

Пошатываясь, раненый поднялся на ноги и, оглядев усыпанную мертвыми телами поляну, застонал:

— О, Святая София! Проклятые тевтонцы!

— Тевтонцы? — переспросил отрок. — А я же их видел — едва разминулся. Человек сорок отряд, и ехали вроде как в сторону Пскова.

— Не, не в Псков — просто к озеру, а там до Дерпта — на лодье.

— Я вначале думал — они это на службу...

— На службу? — Кольша неожиданно расхохотался, скорбно покачав головой. — Не-ет, сволочам этим денег не надобно — вон, и возы наши не тронули. Не за добром явились — за поражение свое мстят!

— Ты думаешь?

— Уверен... Сам посмотри.

Афоня оглянулся и вдруг увидел бегущую на поляну фигуру, в которой узнал тихого и невзрачного обозного паренька из простых — то ли возчика, то шорника, то ли просто слугу «на подхвате».

— Ого! — проследив за его взглядом, удивился и Кольша. — Это же Микита, челядин наш, раб! Э-эй, Микитка-а-а! Давай сюда-а-а-а!

Как и следовало ожидать, Микитка оказался испуган до дрожи и заикания:

— А я это... за водой, да-а... А они... Я смотрю — тут... Бух, бух... мечами, стрелами... Эвон, из ольшаника налетели... Язм в папоротниках схоронился, ага... Господи-и-и-и... что же нам теперь делать-то?

— Не знаю!!! Не знаю, не знаю, не знаю!

Кольша, несмотря на весь свой гонор, тоже недалеко ушел от раба, разве что говорил более-менее связно, да вот только предложить ничего не смог, и, видя такое дело, Афоня взял ситуацию в свои руки — а что еще оставалось-то? Хоть кому-то — да надо. Почему же не ему?

— Сперва похороним всех, — подумав, быстро распорядился отрок. — Лопаты в телегах есть, давайте могилы копать. Потом крестики сладим, помолимся... А уж потом — поедем домой. Обоз-то цел!

— С ума сошел! — отмахнулся Кольша. — Вот так вот и поедем? Втроем?

— До озера доберемся, а там людишек найдем, — Афоня даже как-то сразу повзрослел, чувствуя неожиданно-негаданно свалившуюся ему на голову ответственность, которую — отрок это хорошо видел — больше не был готов разделить ни кто: ни новгородский приказчик Кольша, ни — уж тем более — Микитка-раб.

О челядине тоже, кстати, следовало подумать.

— Ты чей раб, Микита? Дядюшкин?

— Его...

— Дядюшка Семен Игнатьич, упокой его господи, вдовец... думаю, ты и не раб более!

— Как это не раб? — вскинулся было Кольша, но тут же осел под тяжелыми взглядами двух пар глаз: светло-голубых — Афанасия, и карих — Микиты.

— Не раб! — твердо повторил отрок. — Дядюшка — вдовец, и ныне хозяина тебе, Микита, нету.

— Что же мне — в изгой, что ль? — челядин в ужасе округлил глаза. — Скитаться? Совсем пропасть?

— Почему в изгой? — рассудительно промолвил Афоня. — Я так думаю, в рядовичи мы тебя в Новгороде поверстаем...

— В рядовичи?! — В карих глазах раба вспыхнула радость.

— Да, в рядовичи! Так, как служил — и будешь дальше служить, токмо уж по ряду. Да не бойся, не бросим, тем более — после такого вот... Нам бы обоз довести, тут ведь и соль, и крицы медные — многие кузнецы в Новгороде его ждут не дождутся. Раз уж мы живы — доведем, найдем возчиков — серебро у дядюшки было — искать надо. Ну, что смотрите? Общем всех да — за лопаты. Нам еще до озера добираться.

С трудом, с передышками, но вырыли-таки могилы, погребли всех, срубили-поставили кресты. Потом по очереди стали читать молитвы, уж как умели, что знали...

Кольшу пару раз вырвало, и он ушел к ручью — вымыться... А серебришко, кстати — нашли! Правда, не так уж и много.

— Одному хватит, — оглядываясь на ушедшего Кольшу, тихо промолвил раб. — Видал, Афоня, как он на серебро зыркал? Собла-а-азн!

— Да какой соблази? — усмехнулся отрок. — У Кольши в Новгороде и дом, и семейство — куда он денется-то?

— Как бы он нас не...

— Да что ты такое говоришь-то!

— Говорю же — соблази! — тряхнув темными кудрями, упрямо повторил Микита. — А Кольша — не святой Павел. Ничо, Афанасий, — спокоен будь, я уж за ним прослежу.

— Однако, — Афоня зябко повел плечом, хотя сейчас было довольно жарко. — Смотрю, не шибко-то ты приказчика нашего жалуешь...

— Видал кое-что, — снова оглянувшись, челядин понизил голос до шепота. — Его рыцарь один едва ль было не пришиб... да Кольша заскучил — тот его в живых и оставил... похоже, что одного — он, приказчик-то, последний и оставался — в ракитнике.

— Не убил, говоришь? — юный охотник в недоверчивом удивлении вскинул левую бровь. — Так что же — сжалился?

— Кто его знает? Может, и так.

— А зачем свидетеля в живых оставлять? Не знаешь? — глянув на собеседника, Афоня махнул рукой. — Вот и я не знаю. А что за рыцарь-то?

— Такой, лет, может, тридцать или поболее. Лицом худ, борода рыжеватая, острая... да, в левом ухе — серьга золотая!

— Золотая?

— Неужто рыцарь будет медяшку носить?

— Знаешь, Микита, тевтонские немцы не просто рыцари, но еще и монахи. По уставу орденскому у них вообще никаких серег быть не должно!

Тут вернулся и Кольша, разговор на том и закончился — парни запрягли лошадей и, связав вozy цугом, неспешно подались по лесной дороге к Чудскому озеру, оставив за собой полянку, полную свежих могильных крестов. В ольшанике радостно щебетали птицы, над желтыми одуванчиками на показавшемся впереди луку порхали разноцветные бабочки, а в синем высоком небе ярко сверкало солнце.

Трехмачтовая палубная ладья «Святитель Петр» под синим с серебряными медведями новгородским флагом вышла из ревельской гавани почти ровно в полдень и, повернув на восток, взяла курс к Нарве. Кормчий Амос Кульдеев, коренастый, косая сажень в плечах, мужик с красным, обветренным лицом с небольшой сивой бородкой, поглаживая нывший на